

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ В РОССИИ

Мерзляков Сергей Сергеевич

Кандидат философских наук,
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
научный сотрудник лаборатории философии хозяйства экономического факультета
г. Москва, Российская Федерация.
E-mail: merzlyakovss@mail.ru

Аннотация: В условиях постепенного ограничения доступных ресурсов возникает необходимость оптимизировать варианты их распределения и пересмотреть прежние способы распределения ресурсов. Это касается и академических институтов. В этом тексте мы рассмотрим институциональные основания философии в России. Нас интересует функция академической философии и проблемы, с которыми этот институт сталкивается, более полувека повторяющей лозунг «Родина или смерть», еще называют «седьмым историческим чудом света»

Ключевые слова: институты; философия; рынок; ценности; идеология; русская философия справедливости, менталитет, национальный суверенитет, социальная справедливость, биофармацевтика, туризм.

JEL: O15

INSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF PHILOSOPHY IN RUSSIA

Merzlyakov Sergei S.

Candidate of sciences in philosophy, researcher at laboratory of philosophy of economics, Faculty of economics, Lomonosov Moscow State University.
Moscow, Russian Federation

Abstract: With the gradual limitation of available resources, it is necessary to optimize the options for their allocation and to review the previous ways of allocating resources. This also applies to academic institutions. The article deals with institutional foundations of philosophy in Russia. The author analyzes the function of academic philosophy and the problems faced by this institution.

Keywords: institutions; philosophy; market; values; ideology; Russian philosophy.

Одним из способов оптимизации ресурсов может быть институциональная ревизия: все ли институты работают так, как нужно? Если нет, то нужны ли те из них, которые со своими задачами не справляются? Отсутствие общепризнанных успехов ставит российскую академическую философию в сложное положение. В условиях постепенного ограничения ресурсов все острее ставятся вопросы о функции академической философии и ее состоятельности. Обратим внимание на некоторые проблемы российской философии.

Неопределенный академический статус

На Западе философию критикуют примерно за то же, что и в России: человек, который называет себя философом, занимается тем, в чем ничего не понимает. Это касается, прежде всего, проблем, воспринимаемых как сугубо научные. Например, проблема сознания. Так Ф. Крик считает, что философы, которые занимаются сознанием, лишь думают, будто объясняют его, но единственное, что они делают, это спорят о сознании, не понимая сути дела [1, с 69].

Позиция максимальной объективности вынуждает согласиться с тем, что претензии ученых справедливы. Действительно, философ пробегает по поверхности науки, не погружаясь в нее достаточно глубоко, но при этом делает выводы, которые претендуют на значимость. Подобная

практика не может вызывать положительных эмоций у ученых, потому что обычно у философа получается плохо: запутанно, тривиально, архаично, с грубыми ошибками, непониманием сути дела и т.д. Это касается западной философии, к которой у науки есть претензии, несмотря на то, что она имеет значительный багаж признанных наукой достижений. В России ситуация с философией хуже, потому что достижений значительно меньше [2]. И в этих условиях возникает вопрос: на каком основании философия является академической дисциплиной, если у нее нет результатов? Зачем нам философия, особенно в нынешних условиях ограниченных ресурсов? Претензий становится больше, требования еще выше.

Симулятивный характер

Западная философия является ориентиром для российских специалистов: это касается как языка работы, так и методов и объектов исследования. Это понятно, учитывая приоритет Запада в создании этого института и усилий, вложенных в его развитие: основные философские дискуссии возникли и продолжаются на Западе. Поэтому Россия, как и другие находящиеся на периферии или за границами распространения Западной культуры страны, оказывается в роли догоняющего или ученика. Это нормальная ситуация, в том числе и в науке: для того, чтобы получить свою сильную научную школу, нужно сначала переработать уже существующее знание. Однако российская философия имеет специфическую симулятивную природу: она качественно перерабатывает зарубежные работы, но неохотно создает новое знание, что может привести к обесцениванию ее существования в качестве академической дисциплины. Говорить на языке дисциплины – это не то же самое, что развивать эту дисциплину. Другими словами, без санкции в виде очевидной трансляции западной дискуссии российская философия становится неинтересной даже для самой себя.

Приходится признать, что это происходит из-за того, что Россия находится на периферии распространения философии. Следствием чего являются проблемы с созданием качественного конкурентоспособного продукта: российская философия превращается в «затянувшееся до бесконечности введение в философию» [3, с. 185]. Но сказать, что оригинальных идей не было совсем – ошибка. В России были попытки не только рассуждать о «судьбах Родины» и создавать слабую метафизику, но и делать качественную самостоятельную философию. Возможно, этих попыток было не так много, как хотелось бы, но они были. Другое дело, что они не оказывают заметного влияния на актуальные дискуссии даже внутри России – разговор все равно строится из материала западной философии.

Статус философа

Философия в России – это не производство философии, но статус философа. Статус приобретается за соответствие требованиям трансляции философии. Поэтому подтверждение статуса – это использование соответствующего языка, который должен опознаваться как философский. Однако использования языка философии вовсе не указывает на наличие философии, равно как использование языка науки не указывает на ее присутствие. Наука – это производство знания, а не разговор о нем. Популяризировать науку и заниматься наукой – это разные вещи. Здесь находится основание одной из самых главных проблем философии в России – это проблема оценки результатов.

Рынок лимонов

В экономической теории «рынок лимонов» – это модель ситуации, когда покупатель не способен оценить качество товара [4]. Согласно этой модели, отсутствие у покупателя возможности получить необходимую информацию о товаре приводит к тому, что некачественные товары вытесняют с рынка качественные: качественный товар требует больше ресурсов для своего производства, поэтому он должен продаваться дорого, некачественный же товар может продаваться значительно дешевле, но если конечный потребитель не может оценить качество товаров, то некачественные товары («лимоны»)

продаются по завышенной цене, что делает производство качественных товаров невыгодным. Таким образом, без способности оценивать качество товара, распространение получают товары низкого качества, а качественные товары уходят с рынка.

Когда человек в статусе профессионального философа произносит речь, в которой использует странную «философскую» лексику, то как слушателю оценить то, что он слышит? Есть критерии: непонятная терминология, странные лингвистические конструкции, фамилии уважаемых западных философов. Возможно, философия и должна быть такой? Может быть, это и есть философия? Интеллектуальный продукт также различается по качеству. Качественный продукт стоит дорого. Но если отсутствуют эффективные способы его оценки, то со временем «рынок» наполнится исключительно некачественным продуктом, потому что его производство требует значительно меньше затрат. В случае с философией это может означать наполнение текстов симулятивными конструкциями, подражающими чисто лингвистически западной философии. Это происходит из-за того, что не существует эффективных критериев оценки. В результате есть риск появления «рынка лимонов»: если для сохранения уже существующего статуса достаточно навыка грамотной мимикрии, то дополнительные и исключительные усилия прилагаться не будут – это природа человека.

Попытка перестать быть «лимоном» приводит к необходимости создавать прозрачные, доступные для критики тексты. Однако в этом случае защита в виде непонятной терминологии перестает действовать, и автор попадает под действие жесткой критики как со стороны ученых, потому что в этом случае становится очевидной некомпетентность философа и низкое качество его продукта, так и со стороны коллег, потому что он подвергает опасности коллективный статус академических философов. Попытка говорить на доступном для критики языке стоит очень дорого. Поэтому прозрачные тексты создавать нельзя – это чревато испорченной репутацией.

Ценности

В последнее время становится все более очевидным влияние культуры в виде распространенных в обществе ценностей и моделей поведения на развитие других институтов. Эта связь становится заметной, например, при анализе экономической эффективности различных обществ. Кросс-культурные исследования демонстрируют влияние культуры на экономическое развитие государства [5]. Одним из следствий влияния культуры является то, что перенос даже качественно работающего института из одного общества в другое не гарантирует, что этот институт приживется на новой почве. Другими словами, создание даже качественных формальных условий не гарантирует успешность переноса нового института. Оказалось, что культура имеет значение: от распространенных в обществе ценностей зависит эффективность институтов.

Почему в России нет сильной школы философии? Возможно, потому что философия – это еще одна жертва некачественного переноса институтов. Модель догоняющего развития предполагает перенос институтов из взятых за образцы обществ: в России должна быть наука как на Западе; должна быть технология как на Западе; и, по инерции, должна быть философия как на Западе. Если с наукой и технологией все более или менее в порядке, то с философией – проблемы. Россия может создать атомную бомбу, а интересную гносеологическую теорию – нет. Возможно, причина в некотором фундаментальном несоответствии этого института культурным особенностям?

В «Трактате о человеческой природе» Юм предлагает свою теорию сознания, согласно которой сознание – это «пучок перцепций». В заключении к первой части он описывает свое состояние, которое стало результатом философской работы: «...я невольно питаю свое отчаяние безнадежными мыслями, которые в таком изобилии доставляет мне занимающий меня вопрос» [6, с. 309]. Но он продолжает думать о природе человека: «Интенсивное рассмотрение разнообразных противоречий и несовершенств человеческого разума так повлияло на меня, так разгорячило мою голову, что я готов отвергнуть всякую веру, всякие рассуждения...». Это интенсивное рассмотрение: он снова и

снова задает себе вопрос о статусе своей субъективности. Он описывает свое состояние терминами: «мучительный труд», «мрачные пустыни» и т.п.

Ницше описывал свое состояние как «божественное страдание», которое закончилось «самой бездонной мыслью западной метафизики» – идеей вечного возвращения. Кант описывал отвращение к собственному разуму – мизологию. Ясперс говорил о бездне, у края которой познается ничто. Витгенштейн на вопрос Кейнса, почему он променял занятия философией на работу школьным учителем в провинциальной школе, отвечал, что работа в школе несколько притупляет страдания от занятия философией. Философия оказывается далеко не всегда приятным занятием. Но, несмотря на это, она стоит того, чтобы субъект прилагал огромные усилия. Почему? Это нерациональное поведение. С другой стороны, странно упрекать классических философов в отсутствии рациональности.

Значительные усилия прилагаются в том случае, если предполагаемая награда от этих усилий достаточно велика. Другими словами, ценность, на достижение которой направлено внимание, должна быть исключительной. Для Юма такой ценностью является собственная субъективность, ее онтологический статус – это специфическая абстрактная ценность «я сам». Для Ницше это та же ценность – субстанциальная вневременная природа собственной субъективности. Основание философии – это вопрос о субъекте, который принимает форму ценности «я сам». При этом философия развивается в обществах с распространенными ценностями индивидуализма [7,8,9,10] – она становится специфической технологией себя; «вирусом», поразившим определенную культуру [11]. Может быть, философия плохо развивается, если ее основание ценностью не является? В этом случае можно говорить о своего рода «культурной замкнутости» по аналогии с «когнитивной замкнутостью». Если ценности, необходимые для развития института, не входят в ценностный каркас общества, то этот институт приживаться будет плохо. Возможно, в России главная ценность философии недостаточна ценна?

Красный океан

Допустим, российский специалист в области философии пытается выйти со своей работой к западному читателю. Перед этим он выучит язык западной философии, определит актуальные дискуссии и даже выработает корректные модели поведения. После этого он попытается выйти с текстом к западным специалистам. И попадет в ловушку «красных океанов».

«Красный океан» – это термин, предложенный специалистами в области стратегического менеджмента Чаном Кимом и Рене Моборном в рамках созданной ими стратегии «голубых океанов» [12]. Под «красным океаном» понимается перенасыщенный товаром высококонкурентный рынок со сложившейся структурой, где перспективы роста и развития снижаются. «Голубой океан» – это нетронутый участок рынка, то есть перспективный рынок, в котором пока нет конкуренции, но есть значительный потенциал для быстрого роста и получения прибыли. Стратегия «голубого океана» предполагает создание нового рынка с помощью инноваций. Собственно, в «красный океан» попадает любой, кто создает аналог существующего продукта на сложившемся высококонкурентном рынке: это касается и автомобилей, и программного обеспечения, и кинематографа.

Если российский специалист выучил язык, на котором говорит западная философия, разобрался в правилах поведения и решил, что пришло время выйти со своим продуктом на международный рынок, то он попадет в сверхконкурентный «красный океан» – крайне низка вероятность того, что он сможет здесь создать то, что привлечет внимание. За ним нет ни традиции, ни узнаваемых школ. У него есть только чужой язык, на котором он как-то говорит, какая-то, скорее всего симулятивная, идея и несколько рукопожатий на международных конференциях – этого недостаточно. Максимум, на что он может рассчитывать – это статус крепкого специалиста в некоторой области западной философии.

Но значит ли это, что сегодня российский философ не может найти нишу на внешнем

«философском рынке»? Нет, не значит.

Идеология

В 2017 году шла дискуссия о механизме выдачи государственных исследовательских грантов. В списке одной из распределяющих ресурсы организаций значился лишь один проект по философии, который был посвящен исследованию образа власти и носил узнаваемый идеологический характер. В сообществе философов-профессионалов началась дискуссия о несостоятельности способов выдачи грантов, низведении философии до служанки государства, уничтожении научной философии. Представители сообщества принялись анализировать достижения автора этого проекта: индекс цитирования, индекс Хирша, количество публикаций в топовых журналах и т.п. Одним из выводов стала мысль о саботаже развития «профессиональной» философии.

Однако позиция распределяющего ресурсы института (государства) понятна: философия должна приносить хотя бы какую-то пользу. Если очевидной пользы нет, то государство будет оплачивать ту работу, которую считает для себя выгодной. Полезная для государства функция, которую философия может как-то выполнять сегодня – это идеологическая функция. Таким образом, государство указывает сообществу на идеологическую функцию философии как актуальную в настоящее время. Это понятная и верная позиция распределяющего ресурсы института, которая указывает хотя бы на какой-то функционал академической философии.

Но идеологическая функция философии в настоящее время не является апологией существования этого института, потому что с этой функцией гораздо эффективнее справляются специалисты других дисциплин: политологи, журналисты, психологи и т.д. Философия и здесь становится лишним элементом. Поэтому надежды на то, что государство станет заказчиком предлагаемых философией услуг, не оправдываются [13, с. 104]. То, что философия пока еще может продать себя в качестве идеологического инструмента является приятным анахронизмом, пережитком советского прошлого, когда она действительно могла выступать в качестве эффективного инструмента пропаганды, неэффективность которого рано или поздно станет очевидной. Академическая философия может быть служанкой государства, но эта служанка старая и немощная: ее существование скорее в тягость, а не на пользу.

Несколько лучше дела у философии в качестве инструмента пропаганды обстоят на внешнем рынке. Российская философия как инструмент работы с классическими темами философии действительно никому не интересна. Однако она может быть интересна в качестве политического высказывания. В этом случае она приобретает некоторую специфику в качестве экзотического обоснования доминирующей на Западе парадигмы. Разумеется, политическое высказывание, направленное против доминирующей на родине философии парадигмы, услышано не будет. Таким образом, российский академический философ имеет некоторый шанс быть услышанным на Западе, если выступит в качестве адепта западной идеологии. Российская философия может быть продана вне России как критика России. И это крайне соблазнительная перспектива, которая позволяет не идти в разрез с некоторыми моральными принципами, быть «ближе по духу» к родной для философии культуре и отдалиться от «неудачника» – российской философии, природу которой, к сожалению, многие воспринимают исключительно как токсично-симулятивную. Так философия в России становится практикой отрицания России. Это неприятная, но понятная ситуация, учитывая различия в ценностных установках того общества, которое создало философию, и ценностных установках России.

Практическая философия

Современная западная философия – это во многом практическая философия. Однако в России существуют препятствия для подобного развития философии в виде ее генетического подчиненного

статуса в иерархии институтов. Например, для того, чтобы работать в пространстве биоэтики необходимо иметь возможность проговаривать не только то, что воспринимается в качестве само собой разумеющегося, но и анализировать противоречащие доминирующим установкам позиции.

Например, можно указать на экономическую эффективность, либо неэффективность существующих этических норм в биомедицинских технологиях. Можно указать на то, что любое ограничение, в том числе этическое, создает барьеры для экономического развития. Снятие ограничений позволяет расширить пространство капитала в направлении, где действовало ограничение. Другими словами, «запрет – это пространство потенциально нового рынка, который возникает благодаря тем людям, которые испытывают на себе действие этого ограничения и испытывают актуализированную или не актуализированную в сознании потребность снять это ограничение» [14]. Снятие ограничений можно использовать: «Возможно, это вызывает моральный дискомфорт, но с рациональной точки зрения вполне очевидно, что развитие биотехнологий остановить нельзя. Философские диспуты и этические дилеммы лишь на некоторое время задержат это развитие. Однако эту заминку можно и нужно использовать. Если максимально возможно снять ограничения на развитие биотехнологий, то можно получить новый продукт и создать новый рынок. Это может быть значимым элементом эффективного опережающего инновационного процесса. Чем больше ограничений на развитие науки в других странах, тем больше возможностей для открытия новых рынков у России» [14]. Этот пример анализа биоэтических проблем нужен нам лишь для того, чтобы указать на необходимую вариативность позиции практической философии для ее развития.

Другими словами, философия не тот институт, который должен заниматься исключительно морализаторством (хотя экспертная составляющая в этическом обосновании действий или процессов является одной из прерогатив философии). Задача философии: предлагать варианты, в том числе и те, которые не соответствуют существующим представлениям и этическим нормам – это нормальный способ ее развития. И не имеет никакого значения, какую оценку, например, биотехнологиям дал некоторый чиновник и в чем он увидел опасность их развития. Очевидно, что использование непластичных традиционных ценностей в идеологическом конструировании мешает этому варианту развития философии в России. Если позиция исследователя противоречит идеологической повестке, то дадут ли ему грант? Некоторых исследователей этот вопрос ставит в тупик и заставляет изменить маршрут потенциально полезного исследовательского движения. Поэтому оказывается, что и практическая философия – это игрушка западной философии.

Создание философского текста

Таким образом, российский академический текст по философии не должен носить симулятивный характер, но при этом он должен быть на языке современной философии: он должен быть написан на языке западной философии. При этом автор должен соответствовать уже существующим западным критериям профессиональной философии, которая является ориентиром создания философского текста. Это касается в том числе и языка подачи материала. То есть автор в своей работе должен ориентироваться на те образцы, которые подвергаются критике западной же наукой, при этом учитывать, что успехов у российской философии намного меньше и, следовательно, ее статус ниже, чем на Западе, а критика будет жестче.

Для того, чтобы не стать «лимоном», академический философ должен предложить новую идею. Этот критерий соответствует стандартному критерию новизны. Нет нового или нового развития уже существующего – это не философия. Учитывая опасность попадания в «красный океан», исследователь должен предложить не просто новую идею, но такую идею, которая позволит выйти в «голубой океан» современной философии. Это значит, что в идеале нужно создать не просто идею, но идею, выходящую за границы доминирующих в западной философии парадигм. Это нужно сделать на чужом языке, из чужого материала, в фокусе работы должны лежать «чужие» объекты исследования.

Кроме того, нужно удержаться от соблазна выполнения идеологической функции. Это сложно, потому что в России относительно хорошо продается именно идеологический продукт философии. На Западе также можно попытаться продать этот продукт лишь расставив акценты на противоположные. Отказаться от политической повестки – значит отказаться от выполнения полезной функции, то есть стать абсолютно неинтересным как одним, так и другим. Это значит стать товаром, который никто не купит.

Разумеется, российский специалист должен быть готов к тому, что его текст не будет прочитан – мы не читаем тексты друг друга, а если и читаем, то не воспринимаем всерьез, потому что прекрасно осознаем вторичность предлагаемых нами самими текстов. Хотя и не признаемся в этом.

И, разумеется, нельзя играть в языковые игры. Но при этом необходимо отдавать себе отчет в том, что в этом случае исчезает защита в виде флера специфически-непонятной терминологии и текст становится доступным для критики учеными. А это, вероятнее всего, означает как потерю статуса серьезного исследователя среди ученых, так и снижение статуса среди коллег, потому что ставится под вопрос их коллективная научная дееспособность. В этом случае автор рискует лишиться тех привилегий, которые у него есть сейчас: статус, гранты, международные конференции, дружеские рукопожатия. Никто не станет рисковать тем, что у него уже есть.

Но при этом нельзя и играть в поддавки с учеными и набирать баллы за счет критики философии – это часто успешная в практическом плане модель поведения, которая не создает никакого полезного продукта. Мимикрия под ученого – это и не наука, и не философия. Хотя философия и может мимикрировать под культурологию, политологию, социологию и т.п. Но в этом случае философ может быть легко и без потери качества заменен на культуролога, политолога, социолога и т.п.

Будет ли создан качественный текст в этих условиях? Может быть, ответом на вопрос «Как написать качественный текст по философии российскому специалисту?» будет пессимистичное: «Никак»? Здесь, по крайней мере, сохраняется одно из условий философии – объективность в разговоре с собой.

Физик С. Хокинг в одной из лекций объявил о том, что философия мертва [15]. Возможно, стоит все-таки признать, что время философии проходит? Тогда остается только быть объективными и принимать ограничения – автор этой статьи может попытаться написать текст по культурологии, истории философии, широкими мазками нарисовать даже экономико-политологическую картину или попробовать заигрывать с наукой, но философский текст он уже не напишет. Стать философом он не сможет, зато имеет некоторый шанс стать «лимоном» и продать себя в качестве философа.

Но тогда какой смысл сохранять институт, который умирает и уже не работает даже у себя на родине, а в России, возможно, и не рождался вовсе?

Институциональная ревизия

1. В последнее время экономисты активно заходят на территорию других дисциплин в поисках ответов на свои вопросы. Это расширение экономической теории получило название «экономический империализм». Далеко не всегда подобные вылазки экономистов воспринимаются доброжелательно представителями других наук, поскольку навыки экономистов часто не являются достаточными и воспринимаются поверхностными. Так С.М. Гуриев, отвечая на вопрос о причинах успеха «экономического империализма», задается вопросом: «Может быть, экономические аспирантуры просто готовят более самоуверенных специалистов, умеющих быстро – пусть и некачественно – отвечать на любые вопросы, даже на те, в которых они ничего не смыслят?» [16, с. 136]. Другими словами, философия не является одинокой в критике со стороны представителей других дисциплин. Подобная критика является закономерным результатом междисциплинарного характера современной науки: представителям различных дисциплин приходится заходить на «чужую» территорию в поисках ответов на свои вопросы.

В этом смысле философия оказывает своего рода терапевтический эффект: она создает пространство терпимого восприятия «чужих и поверхностных» взглядов и пространство перевода с языка одной специальности на язык другой. Смысл не в том, чтобы всем говорить на одном языке, но в том, чтобы в тумане «поверхностных взглядов» не пропустить то, что может оказаться полезным. Это полезный навык. Философия вырабатывает его.

2. А.А. Аузан указывает на одну из функций университетов: «Они производят еще и общественное благо, смысл которого – создание и распространение культуры. Университеты производят некоторые неформальные институты, системы ценностей и поведенческих установок, которые затем через тот или иной промежуток времени превращаются в формализованные институты – в системы экономики, политики, торговли и т.д.» [17]. В этом смысле даже слабые университеты выполняют свою функцию – они транслируют позитивные модели поведения, социализируют людей, производя средний класс. Важно понимать, что философия в России – это гуманитарный проект, одной из функций которого является трансляция определенной модели поведения. Философия – это пространство производства тех, кого принято называть интеллектуалами. Эта функция философии актуализируется в дискуссиях о современном искусстве, литературе, науке, политике, которые проходят в галереях, книжных магазинах и выставочных залах. Человек с шарфом вокруг шеи летом, рассуждающий о смерти постмодернизма перед молодой аудиторией, возможно, не претендует на производство академического знания, но он создает культурное пространство, которое выполняет свою позитивную роль по трансляции моделей поведения. Интеллектуал не занимается наукой или философией – он транслирует модели поведения в формате актуальных дискуссий.

Философия – это культурный феномен, который связывает Россию с Западной культурой. До тех пор, пока актуальной остается связь России с Западом, остается актуальной и трансляция моделей поведения под вывеской философии. Создание культурного пространства – это полезная функция философии.

3. Философия перерабатывает большое количество информации. Она занимается трансляцией потенциально полезных гуманитарных технологий. Это касается, прежде всего, политических технологий, PR-технологий, т.е. того знания, которое может быть использовано на практике. Философия – это относительно недорогой способ приобретения качественных гуманитарных технологий, в том числе технологий управления.

4. У студентов может возникнуть иллюзия, будто философия – это бессмысленный разговор о «мертвых» идеях. Это не так. Сложно согласиться с тем, что философия – это история философии. В философии есть развитие, ее язык меняется, объекты, с которыми она работает, обретают новые свойства в том числе благодаря работе ученых. Несмотря на то, что основания философии действительно не меняются, философия всегда актуальна, она предполагает развитие. Однако курс истории философии выполняет важную функцию – он дает студентам возможность «почувствовать запах старых книг», т.е. формирует идентичность классического ученого. И это важнейшая функция академической философии.

5. Существуют области знания, которые не являются пространством только лишь науки, потому что до сих пор не переводимы на языки физики или биологии, и поэтому пока остаются для науки пространством неизвестного. Но если есть пространство неизвестного, то остается и пространство для поиска, в том числе в формате философских спекуляций, которые расширяют пространство поиска ответов. Постановка вопросов – это важная функция философии.

Ядро философии

Мы сейчас обратились к некоторым функциям того института, который получился при попытке переноса института философии в Россию. Однако вопрос о научной состоятельности российской философии остается. Еще раз напомним, что научная состоятельность философии подвергается

сомнению и на родине философии: наука критикует философию за то, что она лезет не в свои дела. Но обратим внимание на то, что есть темы, воспринимаемые большинством ученых как сугубо научные, от которых философия не может отказаться, потому что они составляют ядро философии. Вопрос в том, способны ли российские философы работать с этим ядром философии? Скорее всего, способны, но для этого не нужно бояться выглядеть некомпетентно и перестать играть в языковые игры. Самое опасное для философии – это не некомпетентность, а языковая игра, в которую играют с серьезным видом. В конце концов, западная философия полна контринтуитивных идей, к которым, по неясным для нас причинам, когда-то отнеслись серьезно.

Резюме

Мы не занимались в этой статье апологией философии. Нужна ли философия России? Если Россия отворачивается от Запада, то, возможно, нет. Прижился ли этот институт в России? Возможно, нет. Нужна ли академическая философия в своем нынешнем виде? Если она не транслирует актуальные дискуссии, предается ностальгии о чужих былых заслугах, боится выглядеть глупо, но вместо этого с серьезным видом играет в языковые игры и выдает эту игру за философию, то, конечно, нет. И сколько вообще людей с философским образованием нужно России? Непонятно. Но если думать о судьбе сообщества, то, видимо, стоит привыкать к мысли о том, что в условиях ограничения ресурсов больно будет либо всем, либо просто большинству. Обидно, что под раздачу попадут и те (прежде всего те), кто еще даже не начал толком играть в языковые игры и не успел почувствовать всю прелесть обладания статусом серьезного академического философа.

При всем при этом важно отдавать себе отчет в том, что философия выполняет ряд позитивных и вполне конкретных функций, лишь некоторые из которых были упомянуты в этой статье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Blackmore S. Conversations on consciousness. Oxford University Press. 2006. P. 69
2. Руднев В. Философов здесь никогда не было // Логос. 2014. №4. С. 21-31
3. Данилов В.Н. У дверей гамбургского трибунала над переводчиком // Логос. 2012. №3. С. 172-190.
4. Akerlof George A. The Market for «Lemons»: Quality Uncertainty and the Market Mechanism // The Quarterly Journal of Economics, v.84, August 1970, p.488-500.
5. Shane S. Why do some societies invent more than others? // Journal of Business Venturing. 1992. Vol. 7. P. 29-46
6. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Юм Д. Трактат о человеческой природе. М. – «Попурри», 1998.
7. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 1 // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. 9. М.: Партийное издательство, 1932. С. 96.
8. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях. Издание и собственность Ф. Стелловского. СПб.: Тип. Ф. Стелловского, 1866. С. 61.
9. Ферстер-Ницше Э. О создании «Так говорил Заратустра» // М. Хайдеггер. Лекции о метафизике. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 160.
10. Хомяков А.С. К Палмеру // Хомяков А.С. Соч. Т. 2. М., 1886. С. 377
11. Белоногов И.Н. От эволюционной эпистемологии к вирусологической: принципы инфекционного распространения знания // Философия хозяйства. 2018. №4. С. 193 – 206.
12. Ким Ч., Моборн Р. Стратегия голубого океана. Как найти или создать рынок, свободный от других игроков. Москва: Манн, Иванов и Фербер. 2017. — 336 с.
13. Данилов В.Н., Костылев П.Н. Структура и функции философского образования. Российский

контекст // Вопросы образования. №4. 2006. С. 90 – 105

14. Мерзляков С.С. Программа по снятию культурных ограничений: мораль и экономика // Философия и методология экономики как основа формирования концепции современного экономического знания: Материалы третьей ежегодной научной конференции. ТЕИС. Москва. С.33-40

15. Stephen Hawking tells Google «philosophy is dead». The Telegraph. [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <https://www.telegraph.co.uk/technology/google/8520033/Stephen-Hawking-tells-Google-philosophy-is-dead.html> (дата обращения: 23.03.2018)

16. Гуриев С.М. Три источника – три составные части экономического империализма / Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 134-141.

17. Аузан А.А. Миссия университета: взгляд экономиста // Вопросы образования. 2013. № 3. С. 266 – 286.